

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕЧЕ» КАК СРЕЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: В статье автор анализирует историческую беллетристику издательства «Вече», используя количественные и качественные методы. Целью исследования является изучение современных российских общественных представлений о прошлом, различных периодах истории России и их деятелях. В качестве объяснения полученных результатов автор выдвигает ряд гипотез, основываясь на понятии Другого и визуальных и литературных традициях изображения прошлого.

Ключевые слова: историческая беллетристика, контент-анализ, представления о прошлом, историческая память, восприятие, истории России, Другой.

Об авторе: Тарбеев Игорь Михайлович – магистрант второго курса НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург программы «Прикладная и междисциплинарная история». 108840 г. Москва, г. Троицк, Сиреневый бульвар, д. 10, кв. 25. actimel@yandex.ru

В своей статье я решил изучить современные общественные представления о прошлом. Для такого анализа мне нужно было найти массовый источник, серию текстов о прошлом, которая создана в современной России. Я выбрал исторические романы издательства «Вече». Этот выбор объясняется несколькими причинами.

Во-первых, количество исторических романов и даже серий исторических романов, которое выпускает это издательство действительно велико. Во-вторых, это издательство позиционирует себя как ведущее в издании исторической литературы: «Можно сказать, что нашей визитной карточкой стала историческая литература, не имеющая аналогов в России. Ныне издательство перешагнуло 100 миллионный рубеж изданных книг.

Почти двенадцать тысяч названий, 50 разных серий. Сейчас в год делаем около 800 книг. В исторической тематике «Вече», безусловно, ведущее русское издательство» [из выступления на заседании Круглого стола в ИВИ РАН «История для всех. Историческая беллетристика» (02.11.2017) главного редактора издательства «Вече» Дмитриева Сергея Николаевича].

В-третьих, меня интересовала не просто историческая литература, но доступная историческая литература. Я зашел в несколько крупных книжных магазинов Санкт-Петербурга и обнаружил, что большая часть исторических романов была напечатана в «Вече».

Таким образом, книги этого издательства не только репрезентуют общественные представления о прошлом, но и формируют их: каждый, кто захочет купить и почитать что-либо историческое с очень большой вероятностью купит именно одну из книг издательства «Вече» – либо документальную литературу (если он хочет что-то посерьезнее), либо роман (если он хочет что-то полегче). В любом из этих случаев у читателя останется что-то в голове: либо знания, либо воспоминание об атмосфере эпохи, созданной автором – то есть, сложится какое-то представление об истории.

Несмотря на то, что «Вече» выпускает не только исторические романы, но историческую литературу вообще; а «беллетристика» понимается очень широко, я решил ограничить свой анализ исключительно художественной литературой. Во-первых, если анализировать все книги, объем информации будет слишком большим; во-вторых, я хотел исследовать ту литературу, которую читают люди, не интересующиеся историей как таковой. Читатели, обращающиеся к подобному жанру литературы для развлечения, но, тем не менее, и они получают представления о прошлом в качестве «побочного эффекта». Таким образом, аудитория литературы такого рода значительно шире – это и заинтересованные читатели, которые одновременно хотят почитать что-то историческое и «несложное»; и просто люди, ко-

торые любят мелодрамы или детективы, для которых история может служить лишь малосущественной декорацией.

Что может дать наш анализ рынка художественной исторической литературы? С одной стороны, перед нами источник массовый – в моем распоряжении есть около четырех сотен исторических романов (про отбор романов для исследования чуть ниже); с другой – достаточен ли он для того, чтобы говорить что-то об общественном сознании общества в целом? И, главное, отражают ли писатели общественное представление об истории?

На мой взгляд, писатели являются интересным объектом изучения общественного мнения. С одной стороны, писатели – часть общества, в котором они живут, то есть, они разделяют в какой-то мере представления и идеи этого общества. Это особенно справедливо по отношению к писателям того типа, книги которых читают широкие круги населения.

С другой стороны, писатели формируют общественные представления, транслируя свои идеи через свои произведения. Получается замкнутая система: писатель формируется в обществе – на основе общественных представлений складываются индивидуальные идеи – идеи писателя транслируются в общество через книги, становясь мемом [9: 291–307] и формируя идеи других индивидов. Именно поэтому исторические романы интересно и полезно изучать – они одновременно и репрезентуют общественные представления и формируют их.

Мне так же хотелось исследовать именно современные механизмы формирования представлений о прошлом. По этой причине я ограничил свой анализ историческими романами, которые были написаны после 1991. Конечно, такое ограничение очень условно (как было бы условно и любое другое). И все же, оно позволит нам хоть как-то хронологически сфокусировать выборку. Кроме того, меня интересует прежде всего современное российское общество, поэтому я ограничил исследование исключительно романами, которые были написаны на русском языке, российскими авторами и только о событиях российской истории.

В итоге, это исследование посвящено всем романам издательства «Вече», изданным после 1991 года, за исключением серий «Сибириада», «Моя Сибирь» и «Сибирский приключенческий роман». Это исключение обусловлено тем, что мне хотелось понять представления об истории России в целом, об известных и неизвестных сюжетах, а включение этих огромных (в одной «Сибириаде» больше двух сотен романов) серий создало бы большой перекося в сторону локальной истории. Информация обо всех книгах, а также их полный список взят с официального сайта издательства «Вече» в октябре 2016 года (информация может меняться).

На основе охарактеризованной мною группы источников я попробую проанализировать отношения и представления современного российского общества о своей собственной истории. Какие периоды наиболее интересуют авторов и читателей? Как воспринимаются эти исторические периоды и деятели и почему они воспринимаются по-разному? Каковы источники этих образов и представлений, как они формируются?

Разумеется, этой статьи мало, чтобы полностью ответить на все эти довольно серьезные и интересные вопросы, которые, возможно, помогут нам понять существование истории в современном публичном поле. Но я попробую выдвинуть некоторые гипотезы и возможные объяснения тех тенденций, которые можно наблюдать на материале исторической беллетристики. Возможно, последующие исследования этой темы помогут углубить или же опровергнуть эти догадки.

КНИГИ И ЭПОХИ

После отбора всех исторических романов, которые были написаны после 1991 года, я распределил 397 отобранных книг по векам, которые описываются в романе. Несмотря на формальную точность такого разделения, оно имеет одну существенную проблему – оно мало что дает нам в аналитическом плане. Действительно, мы можем сказать, что книг про X век больше, чем книг про XI век, но мы не можем сказать конкрет-

но, какие исторические события, явления или личности X века привлекает авторов. Поэтому, нам необходимо другое деление, которое отталкивалось бы от самого источника. Я решил разделить книги по периодам правления или событиям, а потом дать им какое-либо название.

Период	Отсылки	Годы	Период	Отношение
Ранняя История	2	1000	До Рюрика	0,00
Формирование государства	7	50	862-912	0,14
Святослав	3	68	912-972	0,04
Владимир I	8	38	978-1015	0,21
От Владимира до Мономаха	1	58	1015-1073	0,02
Владимир Мономах	4	52	1073-1125	0,08
Раздробленность	17	408	1125-1533	0,04
Иван Грозный	6	51	1533-1584	0,12
Смута	9	29	1584-1613	0,31
Михаил и Алексей	7	69	1613-1682	0,10
Петр I	5	43	1682-1725	0,12
Дворцовые перевороты	10	37	1725-1762	0,27
Екатерина II	18	34	1762-1796	0,53
Первая половина XIX в.	31	50	1796-1850	0,62
Вторая половина XIX в.	12	50	1850-1901	0,24
XX век	236	100	1901-2001	2,36

Следует пояснить, как составлялись категории. Каждая категория формируется либо на основе какой-то существенной темы, которая развивается через весь период (формирование государства, первые князья, раздробленность, дворцовые перевороты), либо строится вокруг личности (Владимир I, Иван Грозный и т.д.). В XIX в. тем становится слишком много, по-

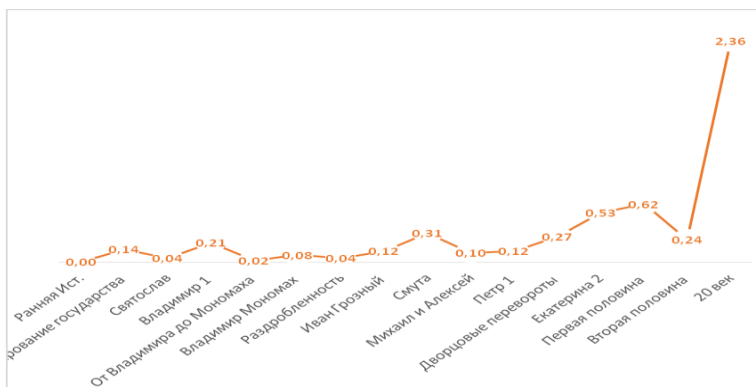
этому этот век поделен просто на «Первую половину» и «Вторую половину».

Классификация по предложенным мною периодам тоже имеет один существенный минус: теперь периоды не одинаковы по протяженности, а значит, мы не можем адекватно сравнивать их между собой. К примеру, четыре века раздробленности упоминаются в 17 книгах, а 52 года деятельности Владимира Мономаха упоминаются в 4 книгах. Как сравнить эти величины? Про раздробленность написано больше книг, но и временной промежуток существенно длиннее. Цельная картина не складывается. Кроме того, можно сказать, что это слишком большое «насилие» над источником, что я не анализирую, но конструирую его, ведь я навязываю романам и истории свое субъективное деление и могу манипулировать данными.

Чтобы решить эти проблемы, я провел еще одну операцию: поделил количество книг, которые описывают период, на количество лет. В результате я получил отношение, которое одновременно учитывает и длительность периода, и количество книг, увязывая их в единый параметр. Нам больше не приходится держать в голове тот факт, что раздробленность длилась четыре века, а Мономах правил 52 года, мы сравниваем отношения: у Мономаха этот показатель будет 0.08, а у раздробленности 0.04.

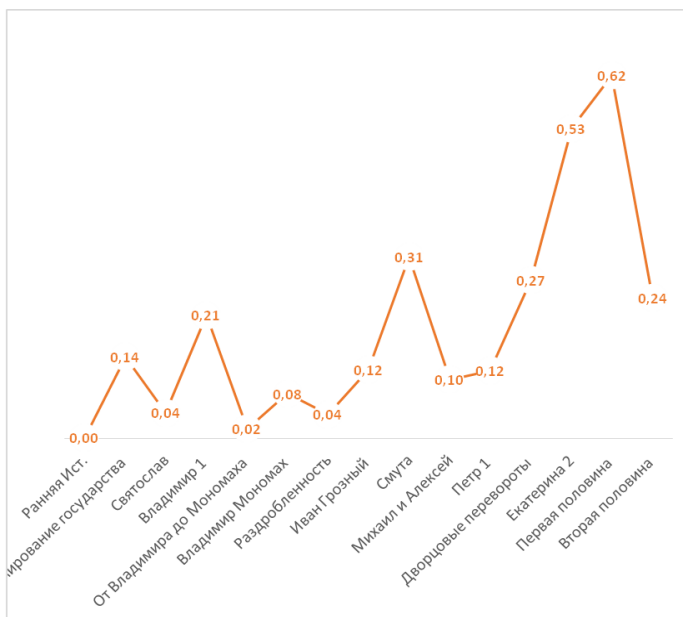
Эта же операция позволяет нам делить историю на периоды практически произвольно, беря за основу любую систему членения – отношение «книги/года» будет сохраняться, а значит, график существенно не изменится.

Для наглядности и удобства анализа я построил график.

Общая тенденция показывает рост: чем ближе к современности, тем больше книг пишется, тем больший интерес к эпохе. Апогеем этого тренда становится, конечно, XX век и особенно Великая Отечественная Война. Давайте взглянем подробнее на самые большие и самые малые величины этого графика.

Пики: самый большой пик графика приходится на XX век, если быть еще точнее, на Вторую мировую войну. В какой-то степени, XX век лишь часть большого подъема, который начался с эпохи дворцовых переворотов. До этого времени наш коэффициент отношения колеблется в районе 0.10, лишь отдельно взятые периоды показывают единовременные всплески (Смута, Владимир I). Эпоха дворцовых переворотов дает нам показатель 0.27, и дальше коэффициент в основном растет, причем очень серьезными темпами. Давайте взглянем на график без XX века, чтобы лучше видеть пики и падения:

Среди этого общего подъема нам, конечно, особенно интересно разобраться в том, почему пик приходится именно на эпоху Екатерины Великой и Первую половину XIX в.

Кроме общего подъема нам интересны и единовременные пики: Смута, Владимир I и формирование государства. Последние два пика не очень высокие, тем не менее, они выделяются на фоне своего окружения: до эпохи Ивана Грозного только они набирают больше 0.8.

Чтобы понять причины интереса к этим пикам, нам нужно взглянуть пристальнее на темы, которые волнуют авторов этих романов.

Итак, Древняя Русь. Начнем с первого по хронологии пика – формирование государства. Это всего 7 книг, которые повествуют о легендарном Гостомысле, призвании Рюрика на княжение и завоевании Олегом Киева.

Тема	Название	Автор
Вне категории	Белые лодыи	Афиногенов В.Д.
Гостомысл	Путь на юг	Майборода А.Д.
	Гостомысл	Майборода А.Д.
Гостомысл призывает Рюрика	Рюрик– полет Сокола	Гнатюк Валентин Сергеевич, Гнатюк Юлия Валерьевна
Олег: поход на Киев	Князь Олег	Седугин В.И.
	Вещий Олег	Васильев Б.Л.
Рюрик, Аскольд и Дир	Аскольдова тризна	Афиногенов В.Д.

Интересно как описывают миссию Олега: он положит «начало объединению Руси» [6] или объединит «разноплеменную Русь в единое государство» [13]. Это очень телеологический взгляд: несмотря на то, что такой идеи как «Русь» еще не существовало, Олег должен собрать ее воедино – именно на этом основании я включил Олега в тему «Формирование государства»: получается, что «Русь» как бы еще не сформировалась до конца.

Тем немного: легендарные и древние времена Гостомысла, призвание Рюрика и его правление, и «объединение Руси» Олегом. Три книги посвящено Гостомыслу, две Олегу. Рюрик довольно непопулярен: как самостоятельный персонаж он фигурирует лишь в одной книге. Для нас это важно: сюжеты 6 из 7 книг строятся вокруг исторических личностей; авторы романов превращают их в персонажей своих книг – они становятся активными акторами истории. Авторами создаются их характеры, сочиняются речи, приписываются мысли и чувства.

В чем причина всплеска интереса к полуполюгендарной истории России? Вероятно, здесь сходятся два фактора: значимость события и, одновременно, его скудное обеспечение историческими источниками. Это создает великолепное поле для мифологизации: все герои романов, вокруг которых и строится повествование, совершили нечто великое, при этом их личности

практически неизвестны, а это значит, что им можно приписать любые черты, характеры и решения; само событие тоже известно лишь в общих чертах, что позволяет наполнить его любыми деталями, придать любые эмоциональные оттенки – одним словом, наполнить его вымыслом. Само событие превращается в цель всего повествования – история становится телеологичной – а характер, идеи и действия персонажа, в определенной степени, создаются таким образом, чтобы привести его к выполнению своей миссии; если говорить языком литературы и драмы, к разрешению конфликта, который обозначен в самом начале.

Перед Гостомыслом стоит проблема: нужно «спасти Русь» [8] от иноземцев, сохранить ее уникальность. Его племени – ильменским славянам – угрожают норманны, Людовик II Немецкий, а хазары вторгаются с юга. В итоге, Гостомysl приходит к осознанию того, что «для спасения Руси необходимо ее объединение» [8] и приглашает Рюрика. Благородство, борьба с трудностями, уверенность в победе – это подкрепляется внутренним стержнем любви к Родине и мудрости. Свою миссию он передает Рюрику.

Разумеется, фигура Рюрика тоже крайне мифологизирована: «Это повествование о том, как воссоздавали и защищали Новгородскую Словению Рарог и его верный воевода Ольг, о дружбе и предательстве, о храбрости и трусости, о великой любви Рарога и Ефанды и об истоках Северной Новгородской Руси. Наследники Рарога-Сокола, – Игорь, Святослав и их потомки расширили её пределы до Киева, Корсуни, Синего Дуная и Священной Ра-реки, объединив Великую Русь, как завещал князь Гостомysl по воле великих богов и пращуров» [8]. В этой небольшой аннотации видны все черты, которые мы описали выше: цель (воссоздание государства), характеры (верный Олег, великая любовь Рарога-Рюрика, а также дружба, предательство, трусость и храбрость), которые приводят к исполнению великой цели. Недостаток деталей компенсируются вымыслом: сменой имен на славянские, историей о великой любви (в которой, несомненно, проявляется характер), движением всей истории к «Великой Руси»,

которую надо «воссоздать» или «объединить» и т.д.

Это же касается и Олега. Мы уже видели, что его характеризуют как «верного». В книге «Князь Олег» нам показывают его становление: через формирование характера в лихих нормандских походах к зрелости и осознанию своей миссии – «объединения разноплеменной Руси в единое государство» [13].

Сюжет книги «Вещий Олег» идет еще дальше. В нем Олег тоже носитель миссии «объединение Руси» [6]. Но тут он уже не «верный воевода» Рюрика, но молодой вождь русов, который действует «наперекор противоборству внешних и внутренних недругов». При этом, внутренним недругом, скорее всего, стоит считать самого Рюрика, вопреки «интригам и хитросплетениям политики» которого Олег объединяет Русь. Его миссия становится еще сложнее, а цель острее – ведь Русь находится в руках хитрых врагов. Победить «интриги» и «хитросплетения» ему удастся только благодаря благородству, честности, храбрости и прямолинейности – качествам, которые противопоставляются хитрости Рюрика.

К сожалению, ранняя история России предлагает обществу мало деталей и подробностей о событиях и людях, которые тогда жили и принимали решения. Разумеется, это не вина историков: если деталей просто нет, а многие личности упоминаются лишь в паре предложений, ученый-историк просто не может ничего поделать.

Тем не менее, последующая история формирования Руси как государства делает эти полулегендарные события великими и неизбежными. Разумеется, интересны и личности, которые творили эти великие события – они ведь тоже должны быть великими. Отсутствие деталей создает пустоты, которые насыщаются вымышленными мотивами, характерами, мыслями и действиями героев. Они обретают объем и живые черты, они осознают величину тех дел, которые им предстоит совершить.

В результате создается нечто вроде мифов, легенд или эпоса, а история приобретает ощущение двойственности: с одной стороны, эти события точно происходили, с другой – они

настолько зыбки, настолько податливы воображению и интерпретациям, что на выходе мы получаем нечто вроде Илиады – основанный на реальных событиях миф, в котором действуют боги и герои. Это уникальное пограничье: если бы связь с реальностью была еще меньше, роман превратился бы в фантастику и интересовал бы совершенно другой круг читателей; если деталей станет больше, автор уже не сможет так вольно обращаться с историческими личностями и событиями – они обретут свой собственный исторический объем, а созданный воображением характер и цель совсем перестанут казаться реальными. Но мы вернемся к этому ниже, когда будет говорить о XX в.

Второй пик – эпоха Владимира I – так же содержит все эти черты. Книги о Владимире можно разделить на два блока: книги о его победе над Ярополком и книги о его правлении и, конечно, принятии христианства. Фактически, книги разделяются на основе той миссии, которую должен исполнить Владимир: объединить Русь и превратить в мощное христианское государство, победив внешних и внутренних врагов.

Темы	Название	Автор
Другое	Русский легион Царьграда	Нуртазин С.
Смута	Бич Божий	Казовский М.Г.
	В тени славы предков	Генералов И.А.
	Святополк Окаянный	Майборода А.Д.
Христианство	Храм-на-крови	Казовский М.Г.
	Владимир Красное Солнышко	Васильев Б.Л.
	Святой язычник	Деревянко М.А.
Будущее Руси	Кровью омытые	Тумасов Б.Е.

Итак, у нас есть две темы. Первая – борьба Владимира за единство Руси, против Ярополка в 977–980 гг. В некотором смысле, в эту категорию можно включить и книгу «Кровью омытые» [15]: в ней речь идет о последних годах правления

Владимира, о проблемах передачи власти и скатывание страны в новую уособицу – это уже совершенно другой период, но тема единства страны сохраняется: это и есть миссия.

Вторая тема – это принятие христианства, отношения с Византией, борьба с внешними врагами. Вот его миссия: «Не-легко далось князю введение (а порой и насильственное насаждение) новой религии в своих владениях. Столкнулся он и с непониманием соратников, и с различными кознями недругов. Да и многочисленные враги Руси не преминули воспользоваться поднявшейся в киевских землях смутой...» [7].

Миссия, на мой взгляд, очень важный элемент, который дает нам ключ к пониманию причин, по которым авторы выбирают именно эти два периода – формирование государства и Владимира I. Превращение исторической личности в персонажа романа, лихие походы и вымышленная декоративность Древней Руси – это не то, что отличает пики «Формирование государства» и «Владимир I» от других периодов. Святославу посвящены три книги, две из которых повествуют о войне с Хазарским каганатом [10; 11], но это не имеет такого существенного значения: следствия этого события плохо видны из XXI в., что превращает деятельность Святослава в телеологичную задачу, миссию, которую персонаж должен исполнить.

Следующий пик – Смута тоже имеет эту характерную особенность, ведь выход из Смуты, борьба с иностранными интервентами становится главной миссией-целью, которую решают герои романов.

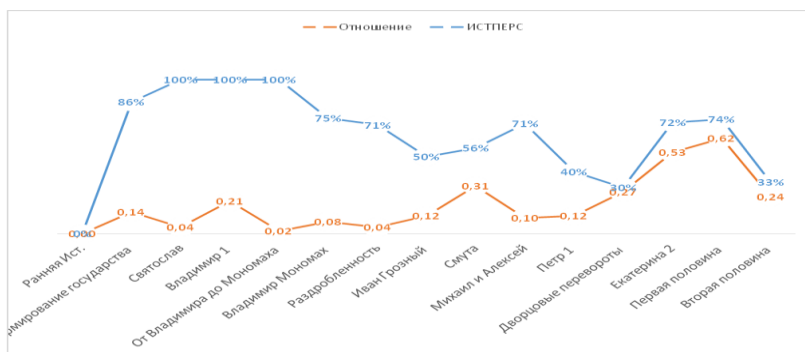
Несмотря на то, что превращение исторических личностей в персонажи романов само по себе не объясняет существования этих пиков, это очень важная тема, которую необходимо рассмотреть подробнее.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ

Во всех 8 книгах о Владимире (даже в «Русском легионе Царьграда» [12]), в 6 книгах о формировании государства и в 3 книгах о Святославе сюжеты строятся вокруг исторических

личностей, которых авторы превратили в персонажи своих книг, наделив их чувствами, идеями и мотивами.

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного – исторические личности являются главными творцами событий и истории. Но этот прием превращения личностей в персонажи постепенно сходит на нет и практически полностью исчезает XX в. Построим график:

Как мы видим, первый излом тенденции превращения личностей в персонажи приходится на время Владимира Мономаха – график падает со 100% до 75-71%. Второе падение приходится на начало XVII в., которое достигает своей низшей точки в эпоху Дворцовых переворотов. Потом мы наблюдаем некоторый рост (который, впрочем, не доходит до показателей Древней Руси), а начиная со второй половины XIX в. окончательное падение. В XX в. этот показатель составляет 6%.

Почему так происходит? Что меняется в отношении авторов к историческим личностям на протяжении истории?

Уже Ролан Барт затрагивал проблему исторических персонажей в литературных произведениях: «Скромное место как раз и придает историческому персонажу его точный реалистический вес; именно скромность оказывается мерой достоверности. Дидро, мадам де Помпадур, а затем Софи Арну, Руссо, Гольбах вводятся в художественную ткань вскользь, косвенно, мимоходом, как фигуры, нарисованные мазками на заднике и не

появляющиеся на самой сцене; ведь стоит историческому персонажу обрести свою реальную значимость, как дискурс оказывается перед необходимостью воспроизвести его во всей конкретности, что, как это ни парадоксально, лишает персонаж всякой реальности (таковы до смешного неправдоподобные персонажи «Екатерины Медичи» Бальзака, герои романов Александра Дюма или пьес Саша Гитри); им приходится заговорить, и они сразу же разоблачают себя как самозванцы. Напротив, когда они смешиваются с толпой своих вымышленных соседей, когда их имена начинают выкликать, словно на обычном светском приеме, тогда сама их непритязательность, подобно шлюзу, позволяющему переходить с одного уровня на другой, уравнивает роман и историю: они входят в роман как в родную семью на правах знаменитых, хотя и несколько смешных предков, придающих романическому блеск реальности, но отнюдь не славы: это – эффекты реальности высшей пробы» [3: 169].

То есть, по утверждению Барта, исторические персонажи выглядят реалистично до тех пор, пока их единственная роль – быть маркерами времени, их появление привязывает действие романа к определенной эпохе. Это замечание мне кажется очень справедливым. Мы не можем поверить, что Владимир рассуждал и говорил точно так, как это описано в романах о борьбе за власть или принятии христианства. Однако, появляясь мимолетно в романе «Русский легион Царьграда» [12] (хотя все равно больше, чем требует сюжет) он выглядит куда живее.

Но Барт пишет с позиции читателя: как воспринимается исторический персонаж в процессе чтения, когда он кажется реальным, а когда – самозванцем? Меня же интересует помимо этого позиция автора: почему в романах о Древней Руси можно превращать исторических личностей в «самозванцев», а в романах о XX веке нельзя? В каком-то смысле, нам нужно перевернуть Барта и поставить вопрос не о восприятии персонажей в романе, но о восприятии прошлого, определенный тип которого ведет к превращению исторических личностей в героев книг.

Нужно учесть несколько вещей. Во-первых, все исторические личности иногда превращаются в полноценных (не эпизодических) героев книг, к примеру, Сталин превращается в персонажа в псевдо-документальном романе «Тайный советник вождя» [16] (изданным не «Вече», это просто известный пример). Тем не менее, между Владимиром I и Сталиным существует разница в частоте таких превращений – это показывает приведенный график.

Во-вторых, может показаться, что такой выборки недостаточно для анализа восприятия прошлого – речь ведь идет всего о десятке-двух авторов. Это не совсем так. Я уже говорил о том, что автор исторических романов является двойственной фигурой: с одной стороны, автор порождены этим обществом, то есть, является носителем его ценностей и представлений об истории; с другой – эти представления проходят через субъективность автора и транслируются обратно в общество посредством книг. Эти сочинения формируют представления о прошлом у какой-то, пусть и не большой, части общества, транслируя те или иные взгляды и идеи.

Таким образом, нельзя сказать, что анализ учитывает только авторов. Автор – фигура, зависящая от читателей, читатель должен поверить в героя книги. Для этого автор должен обладать либо серьезным талантом (хотя Ролан Барт, как мы видели, спорил даже с мастодонтами), либо нужно чтобы отношения автора и читателя к прошлому совпало: чтобы читатель тоже чувствовал, что одну личность можно превратить в героя, а другую нельзя. Таким образом, можно сказать, что книг о князьях-героях больше, чем книг о генеральных секретарях-героях потому что и автору, и его публики превращение Владимира в героя кажется приемлемым, а Сталина – нет. Если бы так казалось только автору, книгу бы не читали, а автора больше не издавали.

Итак, превращение князей допетровского времени в героев книг воспринимается как нормальное, а превращение правителей Российской империи и Советского Союза – нет. Почему так происходит?

Мне кажется, что ответ лежит в отношении к разным эпохам, в проблеме Другого. Каждая эпоха постепенно становится экзотичной, переходит в статус «другой», не нашей. Однако, этот процесс не одномоментный, ощущение инаковости имеет разную силу. Я бы выделил 4 ступени отношения к истории России:

1. Допетровская эпоха («Древняя Русь»)
2. Российская империя
3. Советский Союз
4. Современность («не Другой», «Я»)

Разумеется, эти эпохи тоже не монолитны: их можно сделать более дробными. Например, восприятие Советского Союза, вероятно, будет делиться на довоенное, послевоенное, брежневскую эпоху и перестройку, но это не моя задача. Я хочу показать большие блоки истории России, которые характеризуются отличиями в восприятии прошлого.

Что лежит в основе отличий в восприятии прошлого? Мне кажется, что дело не столько в обыкновенной удаленности эпохи во времени – хотя это напрямую влияет на основную причину – дело в «присутствии эпохи», в нашей современной повседневности, в ее актуальности для нашего времени. Чем больше эпоха представлена в нашем ежедневном окружении, тем более она привычна; чем меньше – тем более экзотичной она кажется.

Допетровскую эпоху очень сложно «пощупать». У нас остался ряд построек и артефактов: древние церкви, шапка Мономаха, летописи, фундаменты зданий, берестяные грамоты и прочее – однако, все это не встречается в нашей повседневности: предметы лежат в музеях и архивах, церкви сохранились лишь в немногих городах, куда ездят в составе экскурсионных групп – допетровская Русь существует лишь в выставочно-экскурсионном или учебном пространстве.

Эти выставочно-экскурсионное и учебные пространства строятся вокруг, по большей части, знания, хотя и разбавляются байками экскурсоводов и учителей. В основном эти пространства представляются человеку ответами на вопросы «что»,

«где», «когда», «кто», «зачем» – то есть, вопросами из школьного учебника.

Однако, представления об этом периоде не столько отличаются или противопоставляются знанию, сколько заполняют его пробелы, надстраивают другой уровень. Ведь Древняя Русь – это не про каменные церкви Новгорода, это про деревянные города, терема, купцов, ладьи, древних истинных языческих богов, славянство, мудрость поколений, резьбу и росписи по дереву, кольчуги, богатырей – про многое, что символизирует в обыденном сознании эту эпоху. Все отличалось от сегодняшнего дня, даже язык – это настолько существенное отличие, что многие романы, к примеру, «Кровью омытые» пытаются его имитировать, используя старые слова или звательный падеж. Некоторая витиеватость языка есть и в романах про XIX век – явная попытка подражать языку того времени.

Все эти необычные, можно сказать, экзотические детали заполняют пространство между именами и датами школьного учебника и экскурсиями. Эти детали выполняют сразу две функции – во-первых, делают историю непривычной, «Другой», превращают ее в неизвестный мир; во-вторых, насыщают историю конкретными людьми, бытом, эмоциями и мыслями.

Откуда эти детали-образы берутся? Помимо экскурсий, музеев и учебников есть множество визуальных источников, которые формируют образы и представления о жизни Древней Руси – интересно, что часто эти иллюстрации присутствуют и в учебниках, они запоминаются даже лучше. Картины Репина, Врубеля, Васнецова, Рябушкина и многих других художников дают живые визуальные образы в деталях, которые врезаются в память. Все ведь помнят, как Иван Грозный убивает своего сына, как на расписных ладьях прибывают заморские гости, как выглядят Александр Невский и три богатыря, какие у них шлемы, луки и щиты. Колода карт «Русский стиль», которая восходит к балу 1903 г., до сих пор продается практически везде и есть практически в каждом доме.

Все эти визуальные образы, многие из которых были созданы на рубеже XIX–XX вв. в период увлечения русской стариной (несомненно, тоже экзотической по сравнению с классическим европейским искусством и аллюзиями на мифологию и Библию) до сих пор живы и копируются по сей день. Они образовали поле узнаваемой «цитатности» и воспроизводятся в разных произведениях.

Немалый вклад в формирование образов истории России допетровской эпохи внесли советские художники и кинематографисты. Знаменитые советские мультфильмы, на которых выросло не одно поколение детей, часто использовали эти цитаты: сказки Пушкина с царевнами в кокошниках и витязями из моря; Аленушка в длинном сарафане и Иванушка в красном кафтане и шапке; Вовка в Тридевятом царстве с молодцами, леденцом-петушком и русской печкой.

Если мы попробуем разобрать эти образы-цитаты с точки зрения семиотики, используя, к примеру, систему означающее/означаемое и теорию мифа [4], мы приходим к тому, что все эти бесконечные детали кодируют или означают одно сообщение: Древняя Русь.

Эти впитанные нами образы влияют и на восприятие прошлого. Древняя Русь становится крайне мифологизированной: мы знаем, что она была, мы не видим ее в повседневности, зато бесконечно копируем в разных произведениях искусства. В некотором смысле, мы просто верим в то, что когда-то такая реальность существовала и воспроизводим знаки, которыми она обозначается. Это накладывает амбивалентность на Древнюю Русь и ее деятелей: кажется, что Владимир I настолько же одновременно реален и мифологичен в общественном сознании, насколько одновременно реальным и мифологичным был Гектор или Одиссей в сознании древних греков или, настолько же реален как царь Соломон, но настолько же мифологически интерпретирован. Это особенно видно в случае с Владимиром I и Гостомыслом: первый превратился в былинного Владимира Красно Солнышко, а второй как бы решает проблему норманд-

ского спора – ведь именно он пригласил Рюрика на Русь, то есть, ее не завоевывали.

Вероятно, именно такое двойственно отношение к эпохе и личностям и позволяет обществу и автором нормально воспринимать их трансформацию в книжных героев. Сами романы в этом контексте становятся частями эпоса Древней Руси, который состоит из этих цитат и знаков.

Итак, допетровский период, «Древняя Русь» и ее деятели беллетризуются из-за того, что превращены в «Другого», воспринимаются как некоторое экзотическое время, которое реально и нереально одновременно.

Но может ли концепция «Другого» помочь нам понять, почему беллетризируется время Екатерины II и первая половина XIX века? Ведь они уже «ощутимы»: от них остались многочисленные здания, фотографии, картины, стихи, мемуары, дневники, письма, книги, элементы одежды и т.д. Даже язык представляет собой нечто промежуточное между «Древней Русью» и современностью: он такой же, но несколько вычурный, и написание немного другое. Но, главное, он понятен, писателей XIX в. можно читать без какого-либо перевода.

Получается, XIX век пусть и превратился в «Другого», но все же довольно реален. Как тогда объяснить большое количество книг (по сравнению со второй половиной XIX в. или с временем Петра), и большое количество беллетризированных персонажей?

РАСЦВЕТ ЛИТЕРАТУРЫ

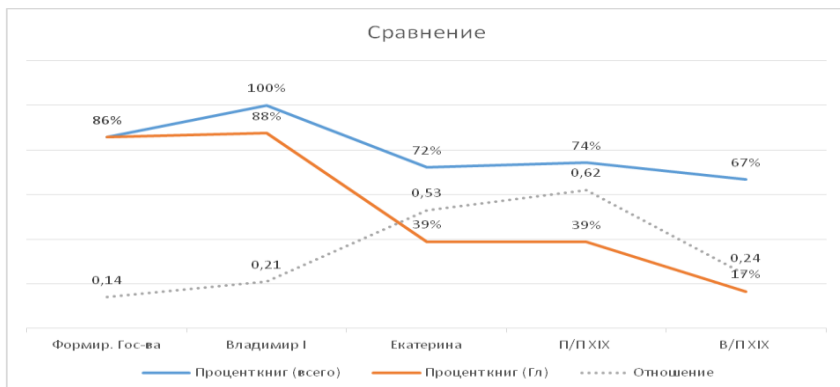
Для начала нужно подробнее рассмотреть данные. Как я уже говорил, начиная с эпохи дворцовых переворотов мы наблюдаем рост количества романов, пик которого приходится на первую половину XIX века.

В это же время количество исторических персонажей падает по сравнению с допетровской эпохой, но растет, по сравнению с временем Петра и эпохой Дворцовых переворотов. Так как беллетризированные персонажи очень важны для моего анализа, я составил отдельную таблицу-сравнение:

	Формирование государства	Владимир I	Екатерина	1-я пол. XIX века	2-я пол. XIX века
Ист. Главный герой	6	7	7	12	2
Ист. Косвенный герой	0	1	6	11	6
Всего Книг	7	8	18	31	12
Процент книг (всего)	86%	100%	72%	74%	67%
Процент книг (Гл.)	86%	88%	39%	39%	17%
Автор в Гл.	5	6	4	7	2
Всего авторов	5	7	9	20	10
Процент авторов	100%	100%	67%	70%	80%
Процент авторов в Гл.	100%	86%	44%	35%	20%

Несмотря на то, что процент книг, в которых реальные исторические личности превращены в персонажей, уменьшается не сильно – максимальное падение составляет 28% – серьезно изменяется качество таких превращений.

Если раньше исторических личностей превращали в главных героев, мысли, чувства и действия которых были ясны для читателя, то теперь большинство случаев «превращений» касается второстепенных героев, а главными героями становятся выдуманные персонажи. Я посчитал случаи превращения личностей в главных героев отдельно (обозначено как «Процент книг (Гл.)»), и тут показатели изменились существенно – на 47-49%. При этом мы видим, что незначительное падение общего количества книг – те самые 28 % – получается за счет роста количества косвенных персонажей.

Почему случаи превращения в главных героев стоит выделять отдельно, почему они играют роль? Причина кроется в том же анализе исторических персонажей Роланом Бартом, о котором мы уже говорили. Сохранение значительного числа косвенных персонажей кажется естественным: именно они связывают события романа с конкретным периодом истории, в каком-то смысле, даже с самой историей.

Таких каналов связи всего два: личности и события. Без этих связок события романа происходили бы в совершенно абстрактном времени. Если автору необходимо хоть как-то связать роман с историей, он пользуется одним из двух каналов, причем, если роман описывает хоть сколько-нибудь значимого человека (чиновника высокого ранга, известного писателя или сыщика), жизнь которого сложно представить без взаимодействия с историческими личностями, у писателя, по сути, не остается выбора. Поставленный в такое положение Борис Акунин, использующий в основном привязки событиями (к примеру, Русско-турецкая война 1877–1878 гг.), решил заменить реальные имена на похожие: так, к примеру, Михаил Скобелев превратился в Михаила Соболева [2: 29], а Владимир Долгорукий во Владимира Долгоруцкого [1: 18]. Тем не менее, эта не-

большая уловка не мешает персонажам выполнять свою роль: привязывать нарратив к определенному историческому времени.

Превращение исторической личности в главного героя – это другой случай. Из такого героя, фактически, полностью изымается его историческая составляющая – ведь все его мысли и чувства создаются автором, а известные действия трактуются через эту созданную структуру. Действия косвенных персонажей отличаются тем, что они, во-первых, не объясняются, потому что такие персонажи появляются лишь эпизодично, их мысли и чувства не известны; во-вторых, тем, что эти действия не формируют сюжет романа, его основной костяк и, фактически, цель всего нарратива.

Главные герои не только связывают нарратив с историей (эта функция маркера времени сохраняется), но и реально создают личность человека заново, сохраняя внешнюю форму, но заменяя «наполнение». С точки зрения семиологической теории уже упоминаемого Ролана Барта, такая процедура очень сильно напоминает процесс мифологизации: сохраняя означаемое (имя, события, должности и прочее), их наполняют новым содержанием (мысли, эмоции, мотивы и т.д.) для достижения одной цели – рассказа определенной истории-дискурса.

К сожалению, не всегда можно четко разграничить главных и косвенных персонажей. Так, в серии «Тайный агент ее величества» Аллы Бегуновой Потемкин играет существенную роль, его мысли и чувства периодически описываются, но при этом он не является главным героем (лишь любовным интересом главной героини). Тем не менее, несмотря на условность границы, такое разграничение может дать нам некоторое представление о характере и динамике изменений эпохи.

Есть и еще одно отличие. Романы о времени Екатерины и начале XIX в. часто группируются в серии об одном герое и написаны одним автором. Так, серия из четырех книг о Бенкендорфе, где он становится главным героем («Во славу Отечества»), написана одним автором – Евгением Белогорским, при-

чем, этот же автор написал еще четыре книги о Екатерине II («Век золотой Екатерины»).

Из-за того, что многие случаи превращений исторических личностей в персонажей связаны с одним автором, я сделал дополнительные строки в таблице с данными по авторам. Мы наблюдаем похожую картину, только график получается еще более плавный: авторов, которые превращают личностей в косвенных персонажей постепенно становится больше, а авторов, которые превращают личностей в главных героев – меньше. Резюмируя проделанную работу можно отметить следующие тенденции: существенный рост количества романов, начиная с эпохи дворцовых переворотов; рост количества косвенных исторических персонажей; существенное снижение главных исторических персонажей. Чем объясняются эти тенденции, почему так происходит? Ответить на это вопрос очень непросто, но можно высказать несколько гипотез.

Одно объяснение я уже выдвигал: оно связано с концепцией «Другого». Согласно этому предположению, Российская империя ощущается как менее экзотичная и более реальная эпоха благодаря большому количеству свидетельств прошлого – исторических источников, похожему языку и т.д., то есть, это эпоху можно «потрогать». Это усилившееся ощущение реальности может дать нам ключ к пониманию того, почему исторические личности тоже стали более реальными, а значит их превращение в литературных персонажей кажется более искусственным процессом. В результате этого исторические персонажи начинают использоваться в основном в качестве связи с историей, что, в свою очередь, ведет к увеличению количества косвенных персонажей и уменьшению главных.

Есть и еще один фактор – традиция. Беллетризация екатерининской эпохи и начала XIX в., в некотором смысле, традиционна для русской литературы. Мало того, что огромная часть русской классической литературы (начиная со школьной программы) посвящена XVIII – XIX вв., то есть, этот период известен, во многом, именно через литературу. Важно то, что уже в

самом XIX в. эту эпоху начали беллетризировать – достаточно вспомнить «Капитанскую дочку», «Войну и мир» и даже «Бородино» – что, в некотором смысле, легитимировало беллетризацию. Интересно, что даже некоторые приемы, использованные Толстым и Пушкиным, похожи на те, которыми сейчас пользуются авторы исторических романов: исторические личности превращаются не в главных героев, но в косвенных, которые говорят, думают и обеспечивают связь с эпохой.

В некотором смысле, урок литературы так же становится актом беллетризации истории: слушая рассказы о жизни писателей и одновременно читая их произведения, мы воспринимаем эту информацию в двойственной форме – голос нарратора (учителя или писателя) и голос исторического персонажа (произведение классика или диалог в историческом романе). Эта двойственность дает одновременно знания о прошлом и личный контакт с историей, причем упор делается именно на второе: голос писателя и история его жизни, то есть, через личность одного из ее представителей, обеспечивается скорее эмоционально-личное восприятие истории, чем знания о ней.

Однако, литература очень активно умножается и распространяется за пределами школы: многочисленные аллюзии на классическую литературу, множество экранизаций (вспомните хотя бы «Войну и мир»), иллюстраций и памятников, экскурсий «по Пушкинским местам» или «Петербургу Достоевского» – все это только усиливает представления об эпохе.

Большую роль так же играют различные исторические байки и анекдоты (которые так любят экскурсоводы). Особенно характерен пример историй про фаворитов Екатерины, и здесь мы видим прямую связь с нашими романами – серии «Век золотой Екатерины» и «Тайный агент ее величества» испытывают явное влияние историй про фаворитов.

Эта мощная традиция беллетризации, которая начинается еще со школы, может объяснить и количество книг, посвященных концу XVIII – началу XIX в., и тренды в беллетризации персонажей. Интересно, что эта традиция касается именно Ека-

терининской эпохи и XIX в.: эпоха дворцовых переворотов мало отражена в литературе, зато широко представлена в исторических анекдотах – и именно с нее начинается рост количества книг.

В конечном счете, XIX в., являясь эпохой расцвета русской литературы, фактически, беллетризировал сам себя.

Это практически не затрагивает историю второй половины XIX в. Мы видим существенный спад количества книг, которые посвящены эпохе. Что касается исторических персонажей, то очевидно незначительное снижение главных персонажей и рост косвенных, то есть, продолжение тех тенденций, которые мы уже отмечали.

Причины снижения интереса к истории второй половины XIX в. по сравнению с первой половиной установить довольно сложно. Можно выдвинуть несколько предположений.

Вторая половина XIX в. находится где-то между романтическим и отдаленным XIX в. и более привычным «вчерашним» веком XX: уже есть револьверы, машины, бомбы, телеграф и телефон, поезда и прочее – то есть, эта эпоха стала менее «Другой», менее «чужой», но при этом она не отражает ни «настоящий» XIX, ни «настоящий» XX век. Вероятно, многих людей интересуют более «чистые» (а, на деле, более стереотипные) эпохи – они более отвечают представлениям (а не знаниям), которые получены через картины, литературу, произведения искусства и каналы культуры.

Продолжим тему представлений: вероятно, эта эпоха кажется менее романтической и более политизированной. Вторая половина XIX в. куда больше ассоциируется с политическими идеями и движениями, с народниками и террористами, политической борьбой. Эти представления так же формируются под воздействием художественной литературы и уроков литературы и истории в школе.

Вторая половина XIX в. это, в том числе, расцвет реализма в русской литературе и искусстве. Вместо Пушкина и Лермонтова изучают Достоевского, Тургенева и Чехова; живопись говорит о социальных проблемах: о волжских бурлаках и детях,

которые тащат в мороз огромную бочку воды; великие и громкие победы 1812 г. сменяются изображениями с картин Верещагина, скорее не воспевающими войну, но обличающими ее. Реалисты и Передвижники, Народники и революционеры – об этом говорят на уроках в школе, это отражено в романах и картинах.

Вероятно, эта мрачность и неочевидность второй половины века так же отталкивает писателей и читателей от этой эпохи. С другой стороны, она дает расцвет другому жанру – историческому детективу. Конечно, для современной популярности исторического детектива очень многое сделал Б. Акунин. Хотя, к развитию этого жанра подталкивает и сама эпоха: убийства и покушения на императоров, а также развитие связи, оружия и наук. В результате, у издательства «Вече» есть даже такая серия-поджанр как «Астрологический детектив».

Все эти предположения требуют дополнительных исследований: к примеру, было бы очень интересно проанализировать образы различных эпох, содержащихся в школьных и университетских учебниках литературы и истории; темы и количество страниц, которые им посвящены; исторических личностей, о которых говорится в учебнике; иллюстрациях и т.д. Разумеется, такой анализ заслуживает отдельного исследования, которое может дать очень интересные результаты и углубленное понимание того, как мы воспринимаем историю и как ее подаем.

XX ВЕК

Мы подошли к последнему, но самому большому пику на нашем графике – к XX веку. Количество книг, которое ему посвящено, действительно поражает – всего 236 книг, и это, не считая переизданий романов, написанных в советское время. Из них 123 книги посвящены Второй мировой войне.

Почему же именно XX век вызвал такой всплеск интереса? Как он отражается в исторических романах?

С первым вопросом все достаточно ясно: XX век еще не ушел в историю, а Вторая мировая война постоянно присутствует в современной жизни России. Многие из этих романов напи-

саны людьми, которые родились в 40-60 годах XX столетия; они росли в окружении еще живых ветеранов, фильмов о войне, появившегося в 1965 году с каждым годом все набирающего масштаб праздника Дня Победы. Вторая мировая война постоянно окружает и современного россиянина, она повсюду – в музеях, памятниках, школьных экскурсиях и учебниках, стихах, кино, праздниках, георгиевских ленточках и «Бессмертном полку» и т.д.

Культ Победы заслонил даже Культ Революции, что хорошо отражается в романах: тема Революции и Гражданской войны появляется в исторических романах, но Второй мировой войне посвящено больше половины всех книг про XX век. В каком-то смысле, история XX века не совсем еще история, Вторая мировая война живет в коллективной памяти, ее воспринимают как что-то, что важно для современности, неразрывно связанное с ней.

Как эти романы описывают войну? Конечно, война представляет широчайший спектр сюжетов и тем для беллетристов. Это и фашистское золото, и многосерийные военные боевики, и классические военные романы. Но я бы хотел подчеркнуть одно важное наблюдение – героями военных романов не становятся известные исторические личности, это всегда обычный человек, солдат или офицер, военный или гражданский, но всегда неизвестный герой. Изредка в персонажей могут превращаться реальные участники Великой Отечественной войны [5; 13], но никогда известные большие начальники – ни Сталин, Молотов или Жуков.

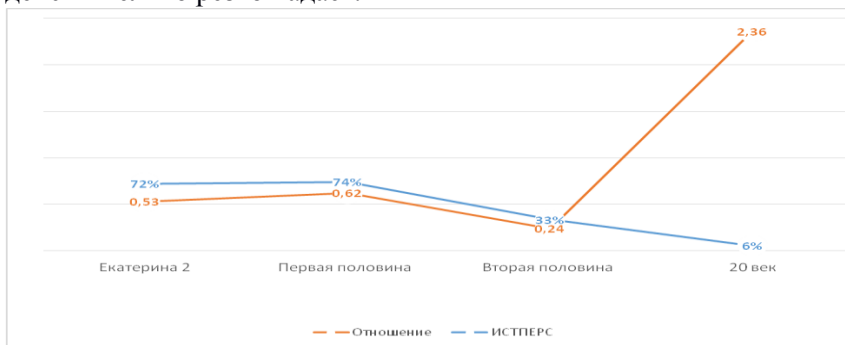
Большая часть книг о XX в., которое было издано «Вече» сгруппировано в серию «Военные приключения», и, на самом деле, лучшего названия этой группе не придумаешь: действительно, войны, как уже было сказано, это ключевая тема этих книг. Даже те романы, которые посвящены Российской империи в XX веке, как правило, ведут к Первой мировой войне, а ведь есть так же книги о Революции и Гражданской войне, Русско-финской войне, войне в Афганистане и даже о Чеченских войнах.

Разумеется, это легко объяснимо даже с художественной точки зрения: действительно очень интересно поместить персо-

нажей в эти уникальные и сложнейшие моменты истории, которые затронули всех жителей страны, и изучать изменения их характеров, чувств, мыслей и поступков. В общем, это относится и ко Второй мировой войне – это рассказы о людях, вырванных из своего привычного быта и брошенных в новые ужасные условия. Кажется, что это одна из причин снижения количества исторических персонажей: теперь интересны не они, а простые люди.

С другой стороны, огромное количество книг можно охарактеризовать скорее как «исторические боевики», то есть, различные остросюжетные романы (есть даже отдельная серия «Остросюжет») в разных исторических декорациях.

Возьмемся к историческим персонажам. Их количество действительно резко падает.

Можно выделить несколько причин для этого падения. Во-первых, вероятно, это тот самый интерес к людям и их судьбам, о котором мы уже говорили. Во-вторых, мы снова можем привлечь традиции изображения XX в. и войн этого периода в литературе, кинематографе и живописи: воспевание подвига простого народа, солдат и матросов, рабочих и крестьян – так отражались эти события в советском искусстве. То есть, современные романы могут писаться, в некотором смысле, «по аналогии» с этой традицией.

В-третьих, снова нужно сказать о том, что эта эпоха не кажется историей в полном смысле этого слова. Даже о Револю-

ции и Гражданской войне часто пишут те люди, которые родились в 30-40-е гг., то есть, их родственники были свидетелями этих событий. С Великой Отечественной войной еще проще – авторы, которые родились в 50-80 годы прошлого века выросли и в полной мере впитали ту традицию, о которой мы говорили выше.

Такой небольшой разрыв во времени, общение с участниками или свидетелями, очевидцами этих событий создают особый эффект, который был описан Морисом Хальбваксом в статье «Коллективная и историческая память»: в центр истории попадают простые люди, которые рассказывают о тех событиях, своих эмоциях, чувствах и идеях. Именно поэтому XX век не стал историей в полной мере, он находится на зыбкой почве «живой истории» и «течениях мыслей и опыта» [17].

Здесь мы снова возвращаемся к проблеме «Другого». XX век и особенно Советский Союз находятся в странном положении: они уже «Другие», потому что разительно отличаются от современности; но они еще не совсем «Другие», потому что большая часть авторов (и многие читатели) прожила значительную часть жизни в этом времени и пространстве, знает язык, культуру и традиции. Стоит ли говорить о том, насколько XX век присутствует в нашей повседневности, насколько его можно «потрогать»?

Эта полу-современность, полу-историчность эпохи прямо сказывается на исторических романах и количестве исторических персонажей: превращенный в главного героя Сталин или Брежнев неизбежно будут казаться картонными, потому что они еще слишком реальны. В то же время, эта близость эпохи и тот факт, что родственники и знакомые могли быть участниками событий, создают очень прочный личный контакт с «простым» главным героем, обычным участником войны. Такой персонаж наоборот кажется очень реальным, потому что как бы вбирает в себя рассказы участников и традиции литературы и искусства.

В этом важное отличие XX в. от предыдущих эпох. Современный читатель и писатель чувствуют мало связи с эпохой Владимира I, мы не слышим «голосов» того времени; крестья-

нин, дружинник или князь одинаково чужие, экзотичные и далекие. В этом случае князь выгодно отличается от своего окружения хотя бы потому, что его имя и дела известны. Этим он хоть как-то знаком современному читателю и писателю, а значит, именно он может стать главным героем.

Новое время, XVIII–XIX вв., уже более «слышно», и создать эмоциональный контакт с какой-либо личностью или усредненным образом дворянина (то есть, именно с тем, чей «голос» мы слышим в литературе или анекдотах) уже не так несложно: это совершенно другой человек, отличный от нас, но все же знакомый нам по историям и свидетельствам, как иностранец из далекого государства. И снова, в героев превращаются те исторические личности, которых мы, по крайней мере, знаем – например, Крылов или Бенкендорф.

В XX в. личный и эмоциональный контакт можно создать именно с «простым» человеком, именно его мы знаем по рассказам наших родственников и знакомых, а не только из учебника; через эти рассказы сам нарратив кажется живым. Превращать кого-либо в героя не нужно, ведь это может быть кто угодно: знакомый знакомых или дальний родственник. Нет необходимости как-то связываться с эпохой – все и так ее помнят (сами или опосредованно); нет необходимости убеждать кого-то в реальности этих героев – их знает каждый. И наоборот: исторические личности еще слишком реальные и живые, чтобы достоверно превратиться в героя.

Таким образом, XX в. находится в уникальном пространстве между историей и современностью. Романы бесконечно цитируют реальные личные истории и традицию изображения событий XX в., которая появилась в самом XX в.: в некотором смысле, серия «Военные приключения» является логическим продолжением и развитием серии «Сделано в СССР». В данном случае это поле «цитатности» соткано не из созданных культурой стереотипных визуальных и литературных образов как в случае с Древней Русью; не Золотого века русской литературы, исторических анекдотов и живописных полотен как в случае с

XVIII и XIX веком; но из коллективной памяти, историй родственников и литературной и кинематографической традиции второй половины XX века.

Итак, представления, кажется, играют *большую* роль в современном российском восприятии прошлого обществом чем знания, которые пытаются пробиться к читателю через учебники, музеи, экскурсии и документалистику.

Источники и причины этих представлений могут быть различны, но можно достаточно уверенно сказать, что ключевую роль в их формировании играет «ощущение», «живость» прошлого. Опыт такой встречи с «живым» прошлым может быть получен через литературные и визуальные источники, а не через обычные исторические нарративы и учебно-выставочные пространства, представляющие собой череду событий, имен и дат.

Тем не менее, литературные и визуальные источники не отражают прошлое непосредственно, но создают поле «цитатности», систему знаков, которая потом повторяется в последующих произведениях искусства и литературы доходя до современной исторической беллетристики. Эта система знаков и цитат формирует не глубокий, но стереотипный «узнаваемый» образ той или иной эпохи, наполненный определенными вещами, героями, действиями и идеями.

Интересна роль исторической беллетристики в этом контексте: с одной стороны, она напитывается этими литературными и визуальными образами и стереотипами, вдохновляется контактом с «живой историей»; с другой, она продолжает традицию создания источников таких контактов, выдуманной, но «живой» истории.

Интерес к прошлому и особое отношение к нему, вероятно, обуславливаются в том числе ощущением инаковости. Это не просто наше прошлое, но и нечто совершенно другое. Это ощущение «Другого» во многом зависит от возможности личного контакта с той или иной эпохой, от ее присутствия в нашей повседневности. Если Древняя Русь существует только в учебно-выставочном пространстве, то XIX век живет в архитектуре

и литературе, картинах, фотографиях, письмах и стихах – все это делает его куда более реальным и осязаемым. XX век постоянно находится в нашей повседневной жизни, он виден во множестве материальных объектов, произведениях искусства и идеях, что создает совершенно особое ощущение полусовременности: он «Другой» и «не-Другой» одновременно.

Каждая из этих ступеней ощущения инаковости, «Другого», определяет совершенно особое отношение к периоду и ее акторам. Древняя Русь абсолютно мифологизированный период, исторические деятели которого мало чем отличаются от героев древних эпосов, мифов и легенд – они тоже реальны и нереальны одновременно, а потому о них можно придумывать все новые истории, создавая им личность и характер. Древняя Русь представляет собой экзотичный полу-реальный мир с другими традициями, верованиями и даже языком.

Российская империя находится ближе к нам: ее язык понятен, ее быт и идеи узнаваемы. Представления о XVIII и XIX веках сформированы под влиянием мощнейшей литературной традиции и исторических анекдотов, которые обеспечивают контакт с прошлым. Важно и изменившееся чувство инаковости: теперь это уже не экзотика, а похожее и узнаваемое, но другое пространство. В результате этого новые произведения в жанре исторической беллетристики как бы цитируют и повторяют темы и приемы классической беллетристики и произведений той эпохи, а исторические персонажи реже ставятся в центр повествования, но постоянно появляются в произведениях, представляя собой собрание стереотипов и историй о своих реальных прототипах.

XX век находится в уникальном пространстве между прошлым и настоящим, поэтому главный источник представлений о нем – личные и коллективные воспоминания, рассказы родственников и знакомых. Его постоянно присутствие в повседневности, воспоминания о нем определяют и отношение к его героям – они еще слишком реальные, слишком самостоятельные, чтобы их можно было легко превращать в героев литера-

турных произведений пусть даже косвенных. Зато рассказы и воспоминания обеспечивают эмоциональную и личную связь с «простыми» героями, которые становятся в центре беллетристики о XX веке.

В процессах формирования этих представлений историческая беллетристика (и в том числе, современная российская беллетристика) играет огромную роль: она обеспечивает контакт с прошлым, ощущение «живости» прошлого, она формирует его образы.

А какова роль историков? Участвуют ли они в формировании представлений? Увы, мы должны признать, что историки играют незначительную роль в этих процессах. История и историки создают костяк из дат, событий и имен; именно об этом костяке пишут учебники, рассказывают на уроках и публичных лекциях – то есть, они поставляют обществу знания. Беллетризация истории – это попытка оживить этот костяк, найти в нем человека, который чувствует, мыслит и действует.

Историки же всегда хватаются за этот костяк фактов, дат и имен. Уже давно, многие профессиональные историки занимаются казусами, интересуются ментальностью той или иной эпохи, изучают чувства, отношения к семье, времени, прошлому, смерти, исследуют представления о мире средневекового итальянского мельника – все то, что называется исторической антропологией, культурной историей и много еще какими терминами. Это же пространство повседневного, чувственного пытаются заполнить и беллетристика.

Мы – историки раз за разом предлагаем обществу фундаментальные знания, верифицированные истины, не обращая внимания на то, что обывателю прежде всего интересны люди прошлого, ведь, как писал Маркс, «корнем для человека является сам человек». В некотором роде, интерес к исторической беллетристике – это своеобразная реакция на современное состояние исторической науки – если историки не дают обществу человека прошлого, общество его изобретает.

Литература

1. *Акунин Б.* Статский советник. М., 2008. 368 с.
2. *Акунин Б.* Турецкий гамбит. М., 2008. 240 с.
3. *Барт Р. S/Z.* М., 2009. 373 с.
4. *Барт Р.* Мифологии. М., 2010. 352 с.
5. *Болгарин И.Я.* Чужая луна. М., 2011. 432 с.
6. *Васильев Б.Л.* Вещий Олег. М., 2016. 384 с.
7. *Васильев Б.Л.* Владимир Красное Солнышко. М., 2016. 288 с.
8. *Гнатюк В.С., Гнатюк Ю.В.* Рюрик – полет сокола. М., 2013. 448 с.
9. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М., 2013. 512 с. (291-307)
10. *Казовский М.Г.* Крах каганата. М., 2013. 256 с.
11. *Мануйлов В.В.* Иду на вы! М., 2014. 286 с.
12. *Нуртазин С.* Русский легион Царьграда. М., 2016. 320 с.
13. *Седугин В.И.* Князь Олег. М., 2011. 320 с.
14. *Сушинский Б.И.* Власов: Восхождение на эшафот. М., 2011. 384 с.
15. *Тумасов Б.Е.* Кровью омытые. М., 2013. 384 с.
16. *Успенский В.* Тайный советник вождя. В 2 томах. М., 2005. 2352 с.
17. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память. // Журнальный зал <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>